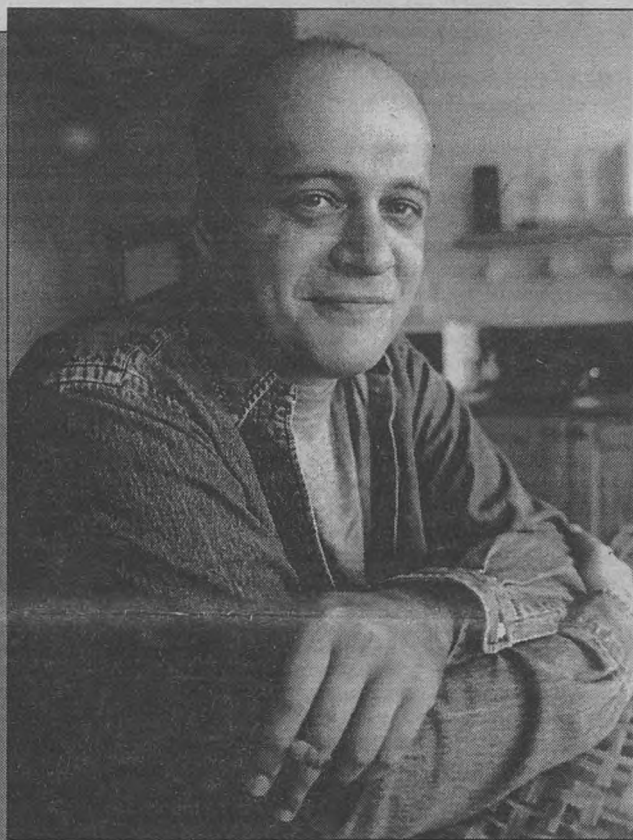

Л
И
Э
П
О
Х
И

Моск. новости - 1995 - 2-9 июля (№ 46)

Денис Евстигнеев: "Главное - ритм"

33-летний кинооператор Денис Евстигнеев, снявший каннский триумф Павла Лунгина "Такси-блюз" и более десятка других фильмов, два года назад дебютировал в качестве режиссера картины "Лимита", которая в одно мгновение вывела его в ряд самых заметных имен нового кинематографического поколения. Денису на роду написано быть заметным: его неординарную фигуру видно сразу в любой компании, а "знатное" происхождение (он сын Галины Волчек и Евгения Евстигнеева) заставляет приятно перешептываться даже незнакомых с ним людей.

жизнь изменилась, и вдруг все мы стали меньше встречаться, потому что я не хожу в магазин, в который они ходят, мы на разных станциях техобслуживания, потому что у меня одна машина, у них другая. Вдруг оказалось, что все находится в разных слоях или группах, и меня это озаботило. Мне кажется, это самое главное: потеря в этой стране душевности, тепла, дружбы, чувств вообще. Конец кухни 80-х годов, конец чувственного мира. И в этом смысле, когда я говорю, что угадал героя, я не имею в виду героя конкретно (он в фильме компьютерщик). Я про компьютеры ничего не знаю, мне компьютер дали пять дней назад, я вообще в этом ничего не понимаю, но что касается моих друзей - да, это я точно знаю. Помимо социального аспекта - разделения людей, которое я считаю негуманистическим и плохим итогом разрушения империи, мне был интересен человек, у которого нет ничего в настоящем, хотя у него есть все. Он крепко стоит на ногах, у него деньги, у него дома, у него возможность купить еще дома. А на самом деле у него ничего нет. У него все в прошлом и будущем. В прошлом у него друзья, а впереди желание куда-то бежать, за какими-то ценностями, как ему кажется, за теми, которые он имел в той жизни. Но это все оказывается гонкой за миражами. В этом беге и есть смысл жизни сегодня.

— Вы считаете, что только сегодня?

— Наверное, нет. Но мне кажется, сегодня все обострено. Мне поэтому интересно делать кино про эту жизнь, про Москву, потому что здесь сегодня все обнажилось до уровня искусства, шекировского уровня, я бы сказал.

— Вы формулируете для себя понятие стиля?

— Я сам человек очень простой. Может, это и есть мой стиль. К людям, которые исповедуют свой стиль, я отношусь с уважением. Но у меня не получается. Я не забочусь о своем имидже: как я выгляжу, какую одежду ношу, на какой машине езжу. В кино же обязательно это должно быть, потому что кино - это продукт. Я не могу допустить, чтобы фильм был неряшливым, поэтому для меня вопрос стиля самый главный. Я к форме отношусь очень серьезно. И если мой фильм считают стильным, то это лучшая похвала. Кстати, это не моя заслуга. Моя заслуга лишь в том, что я выбрал на этот фильм стильных людей: оператора Сережу Коз-

лова, Пашу Каплевица, художника и замечательного стилиста.

— Вы считаете себя удачливым человеком?

— Считаю, конечно. Мне грех говорить, что я несчастливый человек, потому что взять мою биографию - только с удачей могло быть такое. Когда я учился в институте в 18 лет, я сказал себе, что в 30 лет стану режиссером, а до этого буду работать оператором. И я снял фильм в 31 год. Это было счастливейшее стечение обстоятельств для меня. Я вообще никогда не суеверен. Не люблю менять жизнь вообще. Я всегда сажусь или ложусь и жду, когда на меня свалится. Пословица: "Под лежащий камень вода не течет" - это не ко мне.

— Течет?

— Течет, да. И я только это и понимаю, когда течет вода. А вот сейчас... вы понимаете, какая ситуация: человек снял первую картину, достаточно удачно все произошло, презентационно, какой-то даже успех, и потом... что дальше? Что-то надо делать. И вдруг тебя охватывает не то что боязнь, а настоящий ужас, что ты не будешь снимать, что сценарий не получится (я сам писать не умею, пишу писатель, я сижу и думаю: а если не напишет, что я буду делать?). Я начинаю судорожно придумывать новые идеи, начинаю суевериться, и вот это мне очень не нравится.

— Что вам кажется самым трудным в вашей работе? Только не говорите, что достать денег...

— Раз вы так сказали, я скажу, что это самое легкое для меня. Не потому, что это легко, а потому, что я об этом не думаю вообще. У меня были тысячи возможностей разговоров с людьми, которые могли бы дать деньги. И я специально не заговариваю с ними, потому что я хочу быть сам полностью уверен в сценарии, чтобы они его прочли и были партнерами, а не спонсорами.

Самое трудное в работе... не знаю. Мне кажется, это дело вообще очень тяжелое. Мне, правда, как-то нетрудно было. Съемки проходили очень легко, я был счастлив именно от атмосферы на съемках. Я человек очень мягкий, у меня есть принцип: я очень долго выбираю людей для работы, и если команда собрана, то я им полностью доверяю и не мешаю. Я только им иногда рассказываю, про что сценарий, потому что они его не читают. А потом началось самое тяжелое. Я думаю, что самое главное в кино монтаж. Мысли, идеи, концепция, стиль - это все в монтаже.

— Ваша следующая работа будет в какой-то мере продолжением этой темы или что-то совсем другое?

— Это не будет "Лимита-2", но я знаю, что это будет современная картина, про сегодняшнюю Москву, про здешнюю жизнь, потому что я другой просто не знаю. Это будет о том, что меня продолжает волновать: в этом смысле я думаю, что с "Лимитой" это будет перекликаться, потому что меня продолжают занимать те же вещи. Но я хочу сделать более жесткую картину и вместе с тем более сентиментальную. То есть, с одной стороны, чтобы это был фильм, в котором показывается сегодняшняя жизнь, не сама жизнь, а образ этой жизни беспредельной, а с другой стороны, чтобы была душевность, сентиментальность, чувственность, о том, что разделение людей по принципу богатые-бедные - самое отвратительное, что создано здесь за последние годы. Там идея в том, что встречаются два человека из двух полярных групп...

— Толстый и тонкий?

— Да. Вначале они презирают друг друга, и с течением фильма появляются какие-то отхождения, они становятся друзьями, и оказывается, что это два родных существа, которые в конце фильма даже не понимают, что их разделяет и почему. Простая мысль, незамысловатая, что людей делить надо на хороших и плохих, неважно, кто они: богатые или бедные, евреи или русские.

— Наша с вами жизнь (поскольку мы почти ровесники) состоит из двух частей, двух эпох, как бы "до" и "после". Вам не кажется, что годы нашей "застойной" молодости были все же лучше, веселее и даже внутренне свободней, чем сегодняшняя жизнь?

— Нет. У меня ностальгия есть только по себе молодому. Я это связываю с молодостью, дружбой, бесшабашностью. Мне нравится сегодняшняя жизнь. Она, безусловно, более жесткая, более пограничная, люди разделены, и это мне кажется ужасным. Но сама жизнь сегодняшняя меня больше устраивает, я себя лучше в ней чувствую, потому что здесь зависит все только от меня. Захочу, сниму фильм, пойду к банкиру - если ему понравился мой фильм, даст денег на следующий.

— Вас не унижает необходимость просить денег? Вы - человек творческий, а приходится заниматься земными проблемами...

— Чем отличается режиссер сегодня от режиссера 10 лет назад? В эту профессию входит вопрос возврата денег, которые ты взял. Я не сторонник того, чтобы с презрением относиться к людям, которые дают деньги, считать их ниже себя. Я отношусь к этому как к работе и считаю своей обязанностью пытаться вернуть деньги. Я обязан сделать так, чтобы этот фильм посмотрело как можно больше народу. И я это считаю очень большой частью этой профессии - когда ты фильм выпускаешь, работа не кончается. Мне кажется, что многие наши ребята этим озабочены. Это начало профессионального отношения к кино вообще, как к огромному миру. Не просто свою картину снять и забыть, как раньше было: премьера в Доме кино, банкет, и все, ты свое дело сделал. К сожалению, дальнейшее от тебя не очень зависит, но то, что зависит от тебя, ты должен делать. И это не может быть ни стыдно, ни неловко, это ты делаешь для картины, не для себя.

— Что вам хотелось бы в себе изменить?

— Вес. Говорю сразу: килограммов на 10-12.

— А что мешает?

— Не знаю, как это сделать. Я в своей жизни столько раз худел, в том числе и за деньги. Мне отчим платил по 10 рублей за каждый потерянный килограмм, когда мне было 15 лет. Похудел тогда на 10 кг. А сейчас жизнь такая невозможная, сесть на месяц на диету немыслимо! Сигареты, конечно, хотелось бы бросить, хотя я пока не испытываю трудностей со здоровьем в этом смысле, но я понимаю, что курить по две пачки в день невозможно. Но бросить еще труднее. Есть вещи, которые невозможно изменить, о них говорить нечего, сами видите. Но меня это не тяготит, я имею в виду отсутствие волос. Вообще я к себе отношусь как к данности. Что получилось, то получилось. Я мог бы, например, быть более предприимчивым, зарабатывать деньги. Вот если бы можно было что-то в характере подкрутить отверткой...

— Вы увлекающийся человек?

— Да, увлекающийся. Но мне необходим успех в любом деле, быстрый. Иначе мне становится скучно.

— Как говорится, я могу ухаживать, но долго...

— Конечно! Я не упертый, что называется. Если у меня что-то не получается, я не сижу год над этим, сразу бросаю.

— Кто входит в вашу семью?

— Я женат, жену зовут Катя. Она тоже режиссер, документального кино. Мы с ней очень давно знакомы, учились почти вместе во ВГИКе, она немножко старше. Потом лет на 10 сделали перерыв, а потом неожиданно вдруг встретились и поженились. Ее сын Олек, замечательный парень, уже взрослый, поступает в институт в этом году. Безусловно, в семью входит ее папа, Зиновий Ефимович Гердт, которого я очень люблю, и ее мама, Татьяна Александровна.

— Что же, династический брак?

— Как вы понимаете, я меньше всего об этом задумывался. Мы виделись изредка, параллельно существовали, а потом случайно попали на съемки одного фильма, и там все и произошло.

— Обычно люди, которые давно знакомы, не женятся: слишком хорошо друг друга знают...

— Толчком послужила любовь. Я все это не анализировал, но мне кажется, когда мы познакомились, было не время, я был не готов к этому. Мы даже говорили: а почему мы раньше-то не заметили друг друга, общались чисто приятельски? Значит, какого-то импульса не было. А вот сейчас появился. Наверное, возраст подошел. Я ведь был до этого женат много лет... Так у меня все счастливо получилось. Это одна из удач в жизни.

Елена ВЕСЕЛАЯ
Фото Алексея САЗОНОВА

Вы производите впечатление человека, который в свои 30 с небольшим лет сумел организовать свою жизнь так, как ему хотелось. Ваше имя первым приходит в голову, когда говорят о "новых русских" в кино. Это так?

— У меня есть два варианта ответа. Давать оба? Первый будет в традициях соцреализма. На самом деле я никакой не "новый русский". Знаете, с какого года я работаю? Я пришел на "Мосфильм" в 1980 году. Фильмы начал снимать в 1982 году, как оператор. У меня были даже годы, когда я снимал по два фильма. Поэтому говорить о том, что я появился как-то вдруг, как появляются нувориши, странно. Я рабочий человек. У нас в кино операторы просто никому не нужны, и только сейчас, из-за того, что я стал режиссером, вдруг все прожектора на меня нацелились. Я вдруг замесился в газетах, на ТВ... Но вообще-то я живу не с прошлого года, когда фильм появился. Поэтому я себя воспринимаю как рабочего человека, профессионала, который в кино давно живет, любит его и пытается всеми профессиями овладеть. Мне просто интересно само кино, а уж кем я буду в нем, не так важно.

Второй вариант ответа: Я не против такой оценки, потому что важно, как ты себя ощущаешь, а как другие тебя оценивают, это уж их дело. Меня считают современным человеком - по каким уж понятиям, не знаю, но это неплохо. В каком-то журнале я прочел рейтинг богатства людей-киношников. Особняком стоит Михалков, где-то уже в небе, и потом идет такая плотная группа: Ролан Быков, Евстигнеев и еще кто-то. А потом с отрывом идет списочный состав, человек 20. Я это прочел с огромным удивлением и даже, можно сказать, надеждой: может быть, так и будет когда-нибудь?

— Что такое в вашем понимании богатый человек?

— Я могу вам ответить абсолютной банальностью, которую не я сказал, но я под ней полностью подписываюсь. Богатство это не категория количества денег, это состояние человека. Кто-то может быть богатым с тремя копейками в кармане - он выглядит так, что окружающие его воспринимают человеком, получающим от жизни все. А бывают люди, которые всю жизнь остаются бедными. Это категория души, ощущение себя в первую очередь. Так что, если вы спрашиваете меня, считаю ли я себя богатым с этой точки зрения, - да, считаю. А с точки зрения количества денег - нет.

— Тяготит ли вас то обстоятельство, что, давно занимаясь профессиональной деятельностью, вы все равно для многих остаетесь лишь сыном знаменитых родителей?

— Было время, когда я белеб от этого вопроса, но давно, когда я был совсем юным. Тогда, естественно, у меня были комплексы относительно родителей: что я являюсь просто сыном известных людей, который только поэтому интересен. Потом этот максимализм куда-то улетучился, меня стало просто это раздражать, а когда я внутренне почувствовал, что что-то могу, что-то сделал, меня уже это не раздражает. Я отношусь к этому спокойно, так сказать, с позиций силы.

— Есть ли, по-вашему, спор поколений? Часто бывает, что новое творческое поколение начинает утверждаться "на костях" предыдущего...

— Спор, безусловно, существует. Он иногда существует в форме митингов, а иногда он проходит, как сейчас, незаметно для обывательского взгляда. Любый современный фильм, например, спорит с тем, что было раньше. Это и есть движение вперед. Все меняется, становится быстрее, энергичнее, нервнее. Кино должно это отражать. Меня не устраивают спокойные, повествовательные фильмы с философским акцентом - то, что считается нашей "русской" территорией. Против этого я внутренне протестую. Мне не нравится эта узкая территория. Мне кажется, чтобы кино наше росло, его надо чуть-чуть расширять. И по жанру, и по современному прочтению действительности. Но без условно и то, что без этой традиции кино не сделать. Если бы не было наших старых фильмов, режиссеров, ничего сегодня не было бы.

Я лично иду по пути чувственности, разыгрывания чувств. Зритель должен испытать чувства, которые на экране испытывают актеры. Мне кажется, что пора "умных" картин для меня прошла. Мне эти картины неинтересны. Неинтересно их делать и неинтересно их смотреть. Меня волнует ритм. Многие говорят про мой фильм, что это клип. Может быть. Но это то, как я понимаю сегодняшнюю жизнь. Потому что, мне кажется, ритм в кино и монтаж - это самое главное, это создает мысль. Сюжет - дело сиюминутное. Идея тоже. Но ритм остается внутри, вибрирует. Для меня вот это - современность.

— Вы первым взялись за тему героев нашего времени - "новых русских". Считаете ли вы, что угадали?

— Ответ будет нескромный. Угадал. Я потому и делал этот фильм, что это все мои друзья. Мы росли вместе с 10 лет в пионерских лагерях, и все были как бы равны во внекастовом существовании, все были вместе. А потом